

The image features a dark green background with a complex, ornate border in a golden-yellow color. The border consists of multiple layers: an outermost layer of small circles, followed by a wide band of repeating floral and bird motifs. The central text is framed by a double-line border, with the inner line being a simple vertical and horizontal bar, and the outer line being a more decorative, slightly irregular frame. The text is centered within this frame.

**Энжела
Полянски**

**Дельфийская
лира**

Энжела Полянски

Дельфийская лира

Самиздат

2020

УДК 184 - 15
ББК 315(Арма)
М 17

Составитель, автор комментария Симха Ковальская. Оформление О. Альгольц, К. Криенко;
Иллюстрации художников: Кевена Дэниела, Маркова Алексея, Сычева Алексея, Юрия Васендина.

Энжела Полянски

М 17 Дельфийская лира: Стихотворения/Энжела Полянски; [Составитель, автор комментария Симха Ковальская]. – М.: Арма 2020. Тель – Авив. Самиздат.

Энжела Полянски широко известная читателям израильский поэт, прозаик, публицист. Возможно, единственная из русскоязычных литераторов, избежавшая ассимиляции в многочисленном разнообразии восточных культур, и пишущая в кумулятивно-собирательном образтрадиционном русском жанре. Произведения автора отличаются незаурядная для современной поэзии целостность, самовыразительная глубина слога и мелодичность. Некоторые из сочинений Энжелы Полянски легли в основу спектаклей, классических русских романсов и песен.

Российский союз писателей не раз оценивал заслуги поэта.

Энжела Полянски является номинантом национальных литературных премий «Поэт года» 2015 – 16 гг. и «Писатель года» 2016 г. Номинант литературной премии «Наследие» 2016 г. Произведения поэта включены в Антологию русской поэзии за 2018 - 19 гг. Удостоена Пушкинской медалью за вклад в развитие русской литературы. Кавалер медали Антона Павловича Чехова.

УДК 184 - 15
ББК 315(Арма)
М 17

ISBN 947- 8 – 527 – 64108 – 3

Тель – Авив

Самиздат

2020

Содержание

Тартюфизм.....	1
Апрельская ночь.....	2
Вот нисходит тёплый вечер.....	3
В объятьях Психеи.....	4
Вавилоны.....	5
Резвясь с Зефиром сквозь нити бриза.....	7
Проклятый зов.....	8
Замок сновидений.....	10
Божественный рай.....	15
Война и Мир.....	16
Знал бы мир сей состраданье.....	17
Дельфийская лира.....	18
Черные паруса.....	19
Миньон.....	21
Чайки.....	22
Избушка.....	23
Казначей.....	24
Сентябрьские слёзы.....	25
Апистия.....	26

Тартюфизм

Я знаю лишь одно на свете,
Что убеждения мои,
На древе жизни и познаний,
Доверья к миру лишены;
Я знаю лишь одно на свете.

Душа моя и сердце зрелы,
Но легкомыслье и бытѣе,
Я превозмочь в себе сумела,
Как и обыкновение свое;
Душа моя и сердце зрелы.

Я не ищу любви, мне скучно;
Тоска гнетет среди друзей,
А от того перо и свечи,
Мне света белого милей,
И лицемерия людей.

Коль кто - то вдруг мне улыбнулся,
Узрю я в том гнилую фальшь,
Презренны мной слова и чувства,
Как впрочем, и любая блажь!
Сие увы, гнилая фальшь!

Теперь не в моде честь и доблесть,
О добродетелях молчу,
Жеманство, подлость и чванливость,
Между собой живут в ладу;
О прочем, я уже молчу!

Всё в этом мире потеряло,
Хоть мало - мальски некий смысл,
Я не во что давно не верю,
И даже текст сей, тартюфизм;
Но в нём есть все же, некий смысл!

Апрельская ночь

В безглагольном звездном хоре,
Месяц - лурочка плывёт,
И во влаге васильковой,
Отражением влечет.

На урочище косули,
Немо смотрят в синь тиши;
Возбуждая сновиденья,
Ухнул филин от тоски.

Сердце внемлет ночки томной,
Как молебну перед сном;
Вот и смежились зеницы,
Опьянённые теплом.

Вот нисходит теплый вечер

Вот нисходит теплый вечер,
В сумрак ночи голубой,
Слился хор с земною твердью,
С серебристою звездой.

Ускользнул мир словно призрак,
Вьётся прядями туман,
Превратилось всё в неверность,
В некий сумрачный обман.

Неподвижно в гладь речную,
Сонно смотрится луна;
Кротко нежит ветви ивы,
Кучерявая волна.

И сквозь тени и прохладу,
Льется тихо нежный свет,
Оставляя на тропинке,
Поцелуя влажный след.

В объятьях Психеи

Последние дуги заката,
На смятую упали постель,
Пламенной объяв дремотой,
Убежище наших страстей.

Ни крика полёвки в поле,
Ни шелеста, и ни ветерка,
Лишь над свечою бьются,
В чудном танце два мотылька.

Укрывшись в райских куцах от мира,
И забыв о теченье часов,
Увлечённые в объятья Психеи,
Мы парили среди облаков.

Вавилоны

Снова веет прохладой осенних туманов,
Не жалеи ни о чем, ни кручинься, ни плачь,
Какой бы нелепой не казалась фортуна,
Будь милостив к ней, каждый день, каждый час.

До Олимпа, небес, беспредельная бездна,
Ах! Как сладостно тем, кто близок к Богам,
Кто пусть и бесцельно, в пятах у Зевса,
Проникнут всем сердцем к высоким слогам.

Титанида Селена, ныне властвует твердью,
Сея над миром безмятежный покой,
И нежные струны арфы играют,
И осень ей внемлет золотоцветной листвою.

Скоро! О скоро, негасимые души -
Беспечные звезды серебрясь и горя,
Сплетая причудно узоры в созвездьях,
В свои Вавилоны помянут тебя.

Мириады, подобны светильникам жизни,
В хоре поэзию мириады зажгли;
Ропот Геи всё тише, всё глуше, и глуше,
Очи сомкнула земля до зари.

Нет границ, нет предела, у Никты всевластной,
Слышишь, из дали тягостный стон?
Это Борей и мятежные бури,
Словно младенцы погружаются в сон.

Замерло время в царстве сна и безмолвья,
Недвижимы стрелки спешащих минут,
Как бы ни было лихо, как бы ни было горько,
Насладись сим мгновеньем, мой неведомый друг!

Снова веет прохладой осенних туманов,
Не жалеи ни о чем, ни кручинься, ни плачь,
Какой бы нелепой не казалась фортуна,
Будь милостив к ней, каждый день, каждый час.

Резвясь с Зефиром сквозь нити бриза

Резвясь с Зефиром, сквозь нити бриза,
Через леса, через моря,
Плывут, и будоражат взоры,
В лазури нежной облака.

Какое счастье созерцать се,
О, внемлет дивной красоте!
Там выше, только вечность, Боги,
И мириады в синеве.

Мечты, надежды, вдохновенье,
Всё было б чуждо на земле,
Само бытие травило б душу,
Коль не рождались бы оне.

Но лишь разгонит Зевс их в гнев,
Сподвигнув грозы и дожди,
Уж мир нам кажется печальным,
Столь безотрадным для души.

Проклятый зов

I

В океанских пучинах где ни света, ни жизни,
Затерянный град во мраке стоит,
Там время на веки в раболепье застыло,
Сама немота превратилась в гранит.

Там башни воздвигнуты шпилями в бездну,
Вокруг ни души, царит полный штиль,
Но над царством шторма вгрызаются в небо,
На многие тысячи проклятых миль.

II

Тот град ни найти ни на картах, ни в книгах,
Хозяин его, в него заключён;
В сон погружённый, смерти подобной,
Неведомой силой он обречён.

Однако ночами сквозь водные толщи,
Отчётливо слышится демонический зов,
И души терзают дикий страх и безумье,
И стынут от ужаса сердце и кровь.

III

Иду я на зов сей, помутнён мой рассудок,
Увы, никому меня не спасти!
Между жизнью и смертью мысль до судорог сводит,
Но не в силах свернуть я, нынче с пути.

Всё существо моё в слух обратилось,
Внимая призыву из недр небытия;
Чуть достигла последней ступени чертога,
Хладные члены объяли меня.

Недвижна в объятых ни жива, ни мертва,
В очи мне смотрят Ктулху глаза;
Смотрят безмолвно, в самую глубь,
Слов мне не нужно, узрела я суть!

IV

В океанских пучинах, где ни света, ни жизни,
Рльех во мраке, леденящем стоит,
Там, где - то душа моя бродит в потёмках,
Дабы тайны Ктулху вечно хранить.

Замок сновидений

Сквозь сумрак ночи, спешу забыться,
В чертогах тайных, под землёй,
Где под альковым сновидений,
Не тронет свет меня зарёй.

Где сквозь туманы, саван плотный,
Одел равнины и холмы,
И не найти пытливым взглядом,
На своде, и пятна луны.

Бреду бесцельно по руинам,
Давно сожжённых городищ,
Там и по ныне дух печали,
Ни тлен средь скорбных пепелищ.

Однако, дума словно ветер,
Явилась свежестью ручья,
Ведёт она за длань с бечёвкой,
В воспоминанья бытия.

Но мне теперь тропа знакома,
Я здесь бывала, помню то;
За лесом башни выступают,
Их не разрушило ничто.

Под говор чудный листопада,
Застыло время на листве,
Тропинка вьётся узкой лентой,
По не затоптанной траве.

И вот, теперь передо мною,
Суровый тёрн стоит стеной,
Нещадно хлещет он ланиты,
Мне с укоризненной немой.

Одначе, я иду без страху,
В награду сад открылся мне,
За ним знакомый старый замок,
Стоит в эпической красе.

В обитель туч его часовню,
Воздвигли некогда рабы,
И словно копья под фронтоном,
Белеют в мраморе столпы.

Уж ветхий мост скрипит шатаясь,
Готовый рухнуть подо мной,
Глубокий ров затянут тиной,
Подобно мантии живой.

Вгрызаясь в стены диким зверем,
Ползёт по замку жадно мох,
Губя изгибы, барельефы,
Великих зодчих каждый вздох.

В парадной холе прах столетий,
Стёр участь судеб без следа;
Коварные дожди изъели,
Санталум с древнего герба.

Всё существо моё смутилось,
Толкаю дверь, затвор скрипит,
И я вдруг ясно ощущаю,
Как веет холодом гранит.

Чертополох здесь по - хозяйски,
Воздвиг под сводами шипы,
В тени апсида, колоннады
Объяли дивные цветы.

Два грозных цербера из камня,
Храня немую тишину,
Стоят, укрыты чёрной тенью,
Разинув пасти в темноту.

И приподняв нещадно лапу,
Уже готовятся к прыжку,
Но мне известен ключ их тайный,
И снова, путь я свой держу.

Иду. - Поодаль мантикора,
Взирает прямо в очи мне,
Однако, эхом отозвавшись,
Бреду я дальше в вещем сне.

Через хоры, едва заметно,
Течёт вне времени река,
Объяв пространство в тьме дремучей,
Как будто смертная тоска.

Я вижу птицу... - Или деву?
С когтями грифа, два крыла,
Чело и груди в ней прекрасны,
И все ж, уродлива она.

Сатиры в праздности распутной,
Бледны на фресках алтаря,
А с ними вместе и Дионис,
Поблек, как солнце января.

А одиночество всё больше,
Больную душу тяготит:
-Забвеньё! Вечное забвеньё!
Мне голос чей - то говорит.

Вот, убедительно и живо,
Я различаю громкий смех,
Рисует разум мне картины,
Когда - то дедовских утех.

Необъяснимое волненье
Вцепилось в сердце, чуть дышу,
Дрожа портьеру поднимаю,
И вижу... Только пустоту.

За пустотою зеркала,
Меня в них нет, и я мертва,
Плыву подобно приведенью,
И таю, словно бы свеча.

Из влитых в порошок потёмок,
Из недр взволнованных зеркал,
Теперь гляжусь я, как Горгона,
Мой дышит пламенем оскал.

Уходит ночь, и тени с нею
Ползут, и прячутся в углах,
Заблудших душ то сновиденья,
Что не прикаянны в веках.

Вот, вот взойдёт светильник жизни,
Блеснёт луч юный в небесах,
Вновь обретёт Эйрена формы,
Растает ночь, исчезнет страх.

Но наш Борей ворвался в окна,
Не звякнув двери отворил,
Наполнив замок вдруг гостями,
Давно покинувших сей мир.

Из чрева Гея изрыгнула,
Уж встарь усопшие тела,
И оловир в их хлынул жилы,
С частицей нежного тепла.

О эти лица! Эти очи!
Спасибо, что пришли ко мне,
Я так искала встречи с вами,
И наяву, и в кротком сне!

Одначе, брезжит свет сквозь сумрак,
Моим гостям милее тьма,
Они спешат быстрее скрыться,
Уже прозрачны их тела.

К небесной тверди Эос мчится,
Зачалась алая заря,
На листьях время оживает,
Очнулась я от забытья.

Опять в колючих рукавицах,
Стучит в окно моё зима,
И тщетно манит на просторы,
На белоснежные луга.

Божественный рай

Румяной зарёй засиял дол туманный,
Расступилась глубокая тьма,
Где найду столь желанный, я покой безмятежный,
Где очнусь от зловещего сна?
Видятся мне меж землёю и небом,
Холмы и поляны в цветах,
Ах, от чего я не птица, от чего не с крылами?
Я порхала бы там в небесах.

Там обитель безмолвья и тихого счастья,
И лишь лире подвластны сердца,
Примчитесь оттоль зефиры за мною,
Там надежда, услада моя!
Там под сенью деревьев с золотыми плодами,
Бежит голубая река,
Отражая в сияющем блеске потока,
Облаков белоснежных стада.

О, веянье грёз весенних рассветов,
Благоуханье волшебное роз;
Там душа воскресает пленённая жизнью,
И чувства рождаются вновь.
Как мне без крыльев лететь в край далёкий,
Напрасны вожделенья, увы,
Грозные скалы стоят предо мною,
Мне дороги туда не найти.

Но вижу ладью... О, кормчий отважный,
Расправь побыстрее паруса!
И пусть нет залога от фортуны, Аз право!
Я верю ещё в чудеса!
Я верю, я знаю, чудо подскажет,
Где найти сей таинственный край,
Так плывём же корсары, сквозь волны и бури,
В мой дивный Божественный рай!

Война и Мир

I

Бьются в яростном сраженье, человеки на земле,
А в небесной тверди, в тучах, взмылив скакунов летучих,
Мчат валькирии в Вальхаллу, ни снискав героям славу.
Словно дикие шакалы делят власть давно вассалы,
Челядь гибнет в нищете, добродетель на щите.

II

Что за вздор земные твари, Один вас спасёт едва ли,
Лучше жизнь в бою отдать, чем бесчестьем обладать!
Эй! Несчастные! Поверьте, слаще мёда ваши смерти,
Кто же жизни сохранит, худшем самым будет слыть!

III

Золотые колесницы, триумфатор и десница,
Тот кто мёртвых одолел, на живых ярмо одел.
Вот, уж новый господин, всеми вдруг достопочтим,
И беснуется народ, точно счастье его ждёт.

Невдомёк простому люду,
Кто б страной ни управлял, а пирог сей будет мал!
И поныне вечный воз, где стоял там и прирос!
Челядь гибнет в нищете, добродетель на щите.

Знал бы мир сей состраданье

Ах, знал бы мир сей состраданье,
Коль в этом не было б нужды,
Нам и благосклонность была бы чужда,
Не знай порою мы беды.

Умиротворение и счастье,
Трепещут в страхе ледяном,
И в свете властвуют тираны,
И узурпаторы с мечом.

Свирепство скрытое в потёмках,
Поит слезами грудь земли,
О, так безропотность пускает,
Свои покорные ростки!

На нивах оных червь трёхглавый,
Мертвящий жизни с торжеством,
Питается листвой незримой,
Себя считая божеством.

Увы, сие приносит плод тлетворный,
И неизменно в куцах сих,
Гнездятся падальщиков стаи,
Клюя своих же, и чужих.

Так век, за веком и поныне,
Ничто не можно изменить,
Ведь всё в мозгу у человека...
Лишь стоит власть на вкус вкусить!

Дельфийская лира

По сердцу мне, гласа прекрасных ореад,
У склонов древнего Олимпа,
Они сестрой зовут меня;
Дельфийской дочерью и рифмой.

О, лиры величавый звон,
Блистательней страстей и славы,
Сей отзвук меди над землёй,
С души моей, срывает лавры.

Античное звучанье струн,
В классическое думы погружает,
И вот уж пифия, что сон,
Из тьмы полночной возникает.

Подобно царственной особе,
Она садиться у огня,
И ждёт покорно Аполлона,
Молчанье мудрое храня.

Черные паруса

Который день уж потрясает
Косматой гривой океан,
Вот, гнутся мачты с диким скрипом,
Лишь безмятежен капитан!

Нисходит день в клубы тумана,
Закатный призрак, что панаш,
И "Одноглазый Флинт" чернеет,
И превращается в мираж.

Мрачнее туч, самой природы,
Я уношусь в страну бытья,
Самосожжения, обмана -
По доброй воле, чуть дремля.

Всем существом тону в пучине,
Средь горьких дум, где дух поник;
Борей играет с судном лихо,
Маня к Калипсо каждый миг.

Душе больной бы, да волю;
Но безнадежно грудь мою,
Стеная вздымает бездна,
Как друг, которого люблю.

Что ж, мимолётные виденья,
И предвкушенья сладких грёз,
Вы словно колос пали в муках,
Сражённые стрелою гроз.

Ах, океаническая пустошь,
Долина павших кораблей,
Мне отравившая судьбину,
Вонзила в сердце семь мечей.

На дне лежит мой бриг крылатый,
В глухой, холодной тишине,
Кровавые терзая раны,
Чтоб ромом ни залить оне.

О, каждый миг над водной толщей,
Я вижу чувственный обман,
Как вновь, и вновь пираты "Флинта",
На абордаж берут "Тюльпан".

Ты, Мать страданий, мук суровых,
Бесплодно счастье для меня,
Так пусть в волне дремучей канет,
За ним во след уйду и я!

Без сил, разбитая, пустая,
Внимаю чёрным парусам,
Склонясь к сырому изголовью,
Дозволю смежиться очам.

Но квартирмейстер, что был рядом,
Сидел безмолвно в стороне,
Совсем ни старый, одноногий,
Вдруг обратил свой взор ко мне.

И в лике ласковом прочла я,
Немой приветливый ответ;
Найду и я однажды гавань,
Где встречу розовый рассвет.

Который день уж потрясает
Косматой гривой океан,
Фрегат бросает, мачты гнуться,
Лишь безмятежен капитан.

МИНЬОН

Он не раз испытывал муки,
Ах, не раз был распят на кресте,
Но снова, сердце оловиром пропитано,
И блуждает взор в темноте.

Обессиленный пыткой любовною,
Обречённый на сладкую смерть,
Настороженно считает мгновения,
Словно ворон цепляясь за твердь.

И чем страданье коварный, безжалостней,
Тем упоительней вожделенье его,
Громче стоны, мольбы, акафисты;
О, тем паче моё торжество!

Припаду к груди горностаем,
К изголовью пригвоздив, как раба,
Пусть насыщается лаской,
Пока теплится в теле душа.

Пусть в поединке со страстью,
Он пылает ярче огня,
Чтобы утешиться негой,
Что так яростно я отдала.

Чайки

Когда закат горит над морем,
Люблю гулять по берегу я,
Ласкать свой взор, и восхищаться,
Прощальной негой бытия.

Смотреть, как ночь рождает звезды,
И неуловимо, над волной,
Скользя несутся быстро чайки,
И исчезают, словно сон.

В сей час душа моя ликует,
Какой - то вещью тоской;
О, упоительные думы,
Влекут в чертог свой золотой.

Мне грезятся года молодые,
Закаты полные любви,
Всё тоже море, небо, звезды,
Прибой качающий огни.

И те же чайки, в лоне бриза,
Что исчезают в никуда,
Ах, всё что сердцу сладко было,
Что промелькнуло навсегда.

Избушка

В лесу, под древними дубами,
Избушка ветхая стоит,
В ней паутины, мох и зябко,
И свет в светлице не горит.

В окне косом висит тряпица,
Крыльцо горбатое скрипит,
Но из жилища пар клубами,
Сквозь кроны к облакам бежит.

Так мнится словно ладан струйкой,
Возносит новости к Христу,
О той душе, чей крест тяжёлый,
Закован в тайную узду.

Казначей

В полночь встала я однажды:
-Сгинь нечистый с глаз долой!
Я молюсь иному Богу,
Когда верую... Порой!

Изумилась я немало,
Пологая, что живу,
Словно сыр катаясь в масле,
Или дрожжи на пару.

Мне всего хватает вдоволь,
Дум, восторгов и страстей,
Недостача лишь в металле,
Что так важен для людей.

Нет греха на мне, ах, право!
Но худой мой кошелёк,
Заботам дьявола поручен,
Всем увещеваньям поперёк.

Запряжён он поневоле,
В казначейскую узду,
Только мне сего не надо,
Быть рабою не хочу!

Быть богатою отраднo,
Есть и пить из чаш злотых,
Только мне того не надо,
Нравов я, совсем иных!

Что же, замки и Мамона
Не видать мне никогда,
Но кому, о чём молиться,
Кто подскажет, господа?

У меня желаний много:
Чёрствый хлеб, вода и кров,
Пусть изрядно обветшалый,
Лишь бы в нём жила любовь!

Вот и вся моя забота,
Неугомонный Люцифер,
И всё же, чёрт, служи исправно,
Не прося души взамен!

Сентябрьские слёзы

Дорогой слякотной, убогой,
Сквозь ветер и холодный дождь,
Плетётся тройка сиротливо,
А вечер, уж поглощает ночь.

Ах, вот над сонною лощиной,
Вдруг вскрикнул запоздалый грач,
Но снова тихо, и ни звука,
Лишь тучи не унимают плачь.

Кругом безмолвная пустыня,
Как будто смертная тоска,
Всё тенью чёрною укрыла,
На бесконечные века.

И небо тяжкими крылами,
Повисло грузно над землёй,
Рыдая в мглу полей унылых,
С какой - то горечью немой.

Полынь поблекшая прибилась,
Осины тощие грустят,
Вздывая к Богу ветви - руки,
Подобно призракам стоят.

Стоят, роняя слёзы тихо,
Что сердцу нестерпим сей путь,
И от того душа так рвётся,
Покинуть стонущую грудь.

АПИСТИЯ

Была я право, столь наивная,
Что куропатка на огне,
Но с лицедейством вдруг смерившись,
Живу и здравствую вполне.

Каноны ныне новомодные,
Мораль и догмы не в чести,
Нас поучают псы безродные,
Цинизм и фальшь в народ нести.

Увещевают нас апистией,
Вещать анафемы легко,
Сам Папа Римский не заметит,
Сколь ересь славят высоко.

И вот, теперь я с чернью вместе,
С толпой един мой взгляд во всём,
Что даже черт рогатый друг мне,
И грех любой стал нипочём.

Не отрицаю гнусной скверности...
Ах, что поделать? — Это жизнь!
Да всё же... Не пошли б вы к Дьяволу,
Меня, вам псам, не покорить!

